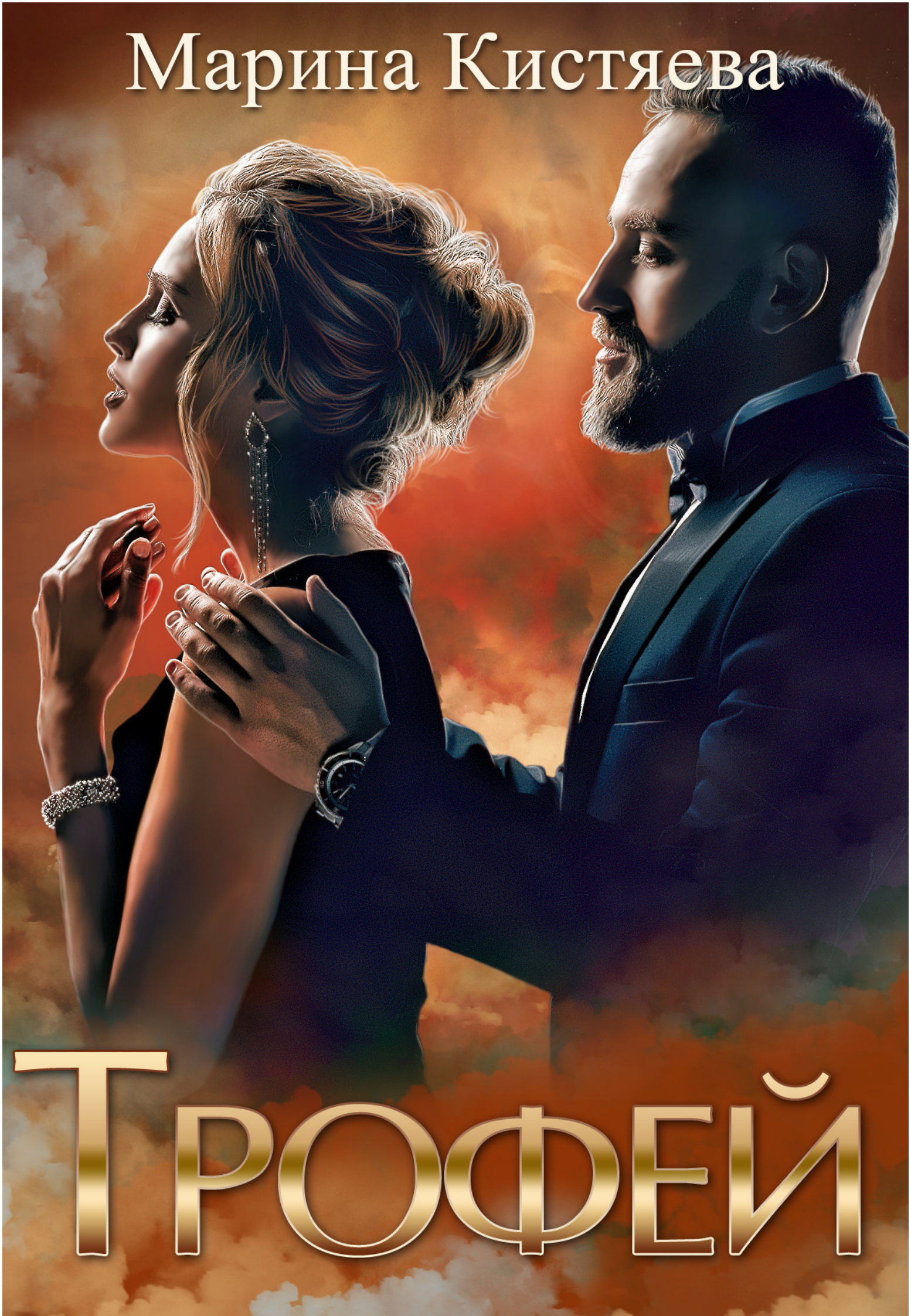
Марина Кистяева



Трофей

Марина Кистяева

Трофей

«Кистяева Марина»

2020

Кистяева М. А.

Трофей / М. А. Кистяева — «Кистяева Марина», 2020

Все знают – её трогать нельзя. Она – принадлежит Тойским, за которыми стоят сами Алашеевы. С детства её готовили к тому, что рано или поздно она станет женой наследника влиятельной династии и вытащит семью из вечных долгов Но ни она, ни наследник не горят желанием соединять судьбы узами брака. У них возникает план. Одно из условий Тойских – невеста должна быть девственницей. Пережиток прошлого, но, между тем… Мила находит человека, что готов рискнуть за существенное вознаграждение, и лишить её девственности, а потом скрыться. Но ОНА перепутала дом и оказывается в постели человека имя которого даже в её кругах произносят с ненавистью, страхом и трепетом.

© Кистяева М. А., 2020
© Кистяева Марина, 2020

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 26
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Марина Кистяева
Трофей

Пролог

Система умного дома отозвалась мгновенно, и свет вспыхнул.

Для Милы он показался слишком ярким, хотя на самом деле был приглушен.

Но достаточен, чтобы всё рассмотреть.

Вернее, всех.

А ещё точнее – друг друга.

Мила натянула покрывало повыше.

– Ты не… Артур.

Мужчина обнаженный, не стесняющейся своей наготы, хищно усмехнулся.

– Нет. Я точно не Артур.

Он посмотрел ей прямо в лицо.

– И ты не работаешь в агентстве.

Господи, пусть он её не узнает…

Пожалуйста…

Пожалуйста…

Она-то его узнала.

Не могла не узнать.

По тому, как мужчина вслед за усмешкой прищурил глаза. И её надежды рушились, как карточный домик.

– Определенно не работаешь, Милослава.

Мужчина выпрямился в полный рост и прошёл к бару. Мила зажмурилась, чтобы не видеть его накаченных крепких ягодиц.

– Думаю, и ты меня узнала. Не правда ли?

– Да…

Лучше бы не узнавала.

– Тогда у меня вопрос: что ты делаешь в моей постели, Мила? И кто, твою мать, этот Артур?

Зря она тогда не обратила внимания на интонацию, с которой был задан вопрос.

Ох, зря…

Она уже тогда многое узнала бы про Глеба Алашеева.

Глава 1

– Ты где? Да… Давай, иди налево. Мила, налево! Я тебя вижу, и ты тащишь свою очаровательную попку не туда. Вот, лестница. Поднимайся по ней. Всё, жду.

Мила вцепилась в перила и выдохнула. В ушах звенело не только от громкой клубной музыки, но и от волнения. Ей запрещено находиться в клубе.

Вернее, у неё осталось всего полчаса.

Забрать деньги и вернуться к охране, которую старательно отвлекали.

Поэтому нечего поддаваться излишней сентиментальности.

Мила поёжилась.

Странное чувство, будто за ней кто-то наблюдает.

Наверное, Марк.

Он-то её видит, а ей ещё предстояло его найти.

Им встречаться можно. Раз в неделю. Глупое правило, установленное Старшими.

Для чего?.. Одни глупости, но, между тем, они должны были подчиниться.

Мила не стала искать причину своего дискомфорта. Одернула платье, длина которого у многих в клубе вызывала ухмылку – ниже колен. Выше ей нельзя.

И всё же едва не споткнулась, пока одной рукой держала простой кнопочный телефон – смартфоны и уж тем более айфоны тоже у неё под запретом. Девушка привыкла. К непониманию знакомых – тоже.

Она поднялась и снова огляделась.

– Марк, я тебя не вижу.

– Иди прямо, я у синей ВИП-кабины. Вернее, уже в неё захожу. Иначе – спалят.

– Давай. Я вижу её.

На втором этаже менее людно. Можно сказать, в разы. Столики заняты более респектабельной возрастной группой посетителей: бизнесмены, политики, ведущие переговоры и никуда не спешащие. У Милы снова участилось сердцебиение. Её, конечно, могут узнать… С другой стороны, родные же знают, что она с друзьями в «Оазисе». И время у неё ещё не вышло! Так что нечего тушеваться!

Она сделает вид, что спешит. Хотя почему «сделает»… Она спешила.

Поэтому ни на кого не смотреть!

Ни на кого.

По позвоночнику побежали мурашки. Странное ощущение. Давящее. Наверное, нервы.

Конечно, милая домашняя послушная девочка решается на бунт!

Ещё на какой…

До синей кабины она не помнила, как дошла. Никто не остановил, ни окликнул – уже хорошо.

Мила толкнула дверь кабины и вошла.

Марк стоял к ней спиной и сразу же обернулся, стоило ей появиться.

– Мила, наконец-то! Время! – он постукал пальцами по дорогим часам-скелетонам.

– Марк, я старалась. Охрану не так просто обмануть…

– Понял. Знаю. Ладно, хрен с ними. Вот, держи.

Он протянул ей толстый конверт.

Рука Милы дрогнула.

– Марк…

– Мила, ты же не передумаешь? – молодой парень заметно напрягся. – Детка, солнышко, скажи, пожалуйста, что ты не передумаешь! Малыш, я понимаю, что на тебя падут все шишки, и ты выступаешь в качестве «плохого парня», но ты сама мне предложила эту идею! Слушай,

если ты хочешь отступных, я смогу через три-четыре месяца продать тачку. С горя! Прокатит. Ни родичи, ни дядя ничего не скажут! Деньги отдам тебе, чтобы ты себя свободно чувствовала. Тоже куда-нибудь свалишь подальше от этого дурдома. Домостроя, мать его ети.

– Марк, не тараторь. У меня в ушах от музыки звенит…

Она преувеличивала. Музыка тут ни при чем.

– Понимаю.

Парень всунул конверт ей в руки.

– Тут недостающая сумма. Эй, ты чего?

Марк быстро переместил руки, сжал её плечи.

– Всё хорошо.

– По тебе не скажешь, детка. А ну-ка, посмотри на меня. Слушай, если совсем хреново… Давай сдадим назад. Я отменю. Всё. Слышишь меня, Милка? Абсолютно. Выпутаемся как-нибудь. Правда, дядя тут приезжает… Похеру. Разберусь. Они с моими по поводу свадьбы будут трещать. Да и вообще что-то там дядя мутит… Ай, ладно, пусть. Может, про нас забудут. Я не вникаю. Не хочу. Потом придет и моё время. Главное – решить сейчас *нашу* проблему.

Мила посмотрела на конверт.

– Здесь вся сумма?

– Я же сказал, что да.

– С ума сойти…

– Не сходи. Всё будет отлично. Артур не передумает. Ему бабло позарез нужно. Ну и терять особо нечего. Уже успел напортачить. Поэтому он пойдет до конца.

– Его… – Мила сглотнула. – Наши не порвут?

– Шкуру попортят – сто процентов. Вернее, портить буду я.

Мила нервно улыбнулась.

– В порыве ревности…

– Скорее уж, от якобы задетого самолюбия. Мила, тебя никто не тронет. Я не позволю. Ты же понимаешь, я буду решать, что и как…

– Знаю.

Она не стала говорить, что есть ещё и её родственники.

Надеялась отделаться парой оплеух и ссылкой.

Возможно, Марк в чем-то и прав. И ей могут понадобиться деньги. Свои запасы она тоже подчищает под полный ноль.

Но оно того стоит.

Наверное…

– Поэтому не беспокойся. Всё решаемо. И обсуждаемо.

– Марк, не с нашими…

– Если всё получится, то тогда и обсуждать будет нечего. Нет товара – нет купца. Всё!

Девушка медленно кивнула, сдвинула висящий на плече клатч, открыла его и кое-как запихала внутрь конверт. Он едва влез. И с таким же трудом застегнула.

– Обычно девушки ходят с такими громадинами, что в них можно потеряться, а ты с мелочью какой-то.

– Я не подумала…

– Сто тысяч евро – не мелочёвка, Мила.

– Нам надо было придумать другой способ передачи. Я буду дергаться, зная, что ношу такую сумму.

– Значит, сразу к своим и домой.

– Так и получится. У меня время уже выходит.

– Цербер не дремлет? О, извини, извини. Не хотел обидеть.

– Всё нормально.

Парень сильнее сжал плечи.

– Малышка… Ты как? Сделаешь завтра… всё?

– Да.

– Адрес скину.

– Я помню.

– Я напомню.

Телефон в руке зазвонил, и Мила вздрогнула.

– Мне пора.

– Давай. Удачи. До связи. Завтра у нас «свидание», – молодой человек улыбнулся и подул на длинную челку, что упала на лоб и на глаза.

– Всё по расписанию.

Марк притянул её к себе, чмокнул в губы, оставив немного неприятный влажный след, и развернул лицом к двери.

– Шлепнул бы по попе, но боюсь схлопотать по роже лица.

– Да, лучше не рискуй.

Мила вышла из кабины и, не оглядываясь, не глядя по сторонам, устремилась к лестнице, на ходу отвечая охране:

– Олег, я уже иду. Жди меня у гардеробной.

– Где вы были?

– В туалете. Встретила знакомую.

– Вы на втором этаже.

– На первом кабинки заняты.

Господи, кто бы только знал, как ей надоело отчитываться. По каждому пустяку! По каждому шагу!

Но ничего…

Ничего…

Скоро она будет свободна. От всего и всех.

* * *

Мила не успела дойти до лестницы пару метров, когда случилось нечто совершенно неожиданное.

Во всем клубе вырубили свет.

Событие сверхнеординарное и для всех шокирующее.

При этом не сработал и запасной генератор.

Сразу же послышались со всех сторон визг, топот, возмущенные крики, улюлюканье.

Помня о том, что она находится рядом с лестницей и в любой момент в суете или толкотне её могут снести, и она кубарем покатится по ступеням, Мила остановилась. Сработал инстинкт – она сильнее сжала сумку. Если у неё сейчас выдернут клатч, а в темноте даже вовремя не среагируешь, считай, их затея окажется изначально провальной.

– Осторожнее.

Кто-то шедший за ней и стоящий теперь рядом оказался в непозволительной близости от девушки. Она ещё не пришла в себя от шока, от накатывающего естественного страха оказаться в толпе паникующих и плохо контролирующих себя людей. Краем сознания Мила видела, как по всему залу зажигаются фонари телефонов и подсветка, но почему-то ещё воспринимала происходящее, как надвигающуюся угрозу.

И мужской голос с хриплыми нотками вызвал у неё табун мурашек по спине, которые тотчас сменились легким покалыванием во всем теле.

Она ничего не успела сказать, как её взяли за локоток и потянули влево. Девушка ахнула.

К ней нельзя прикасаться…

Никому.

Даже жениху.

Поэтому прикосновение сильных мужских пальцев её шокировало едва ли не больше внезапного отключения света.

Уже потом Мила сможет понять, что генерал и прожектора заработали меньше, чем за минуту. Что ей ничего не угрожало, как и никому в клубе. Администрация сработала безупречно. Но за те прошедшие секунды, что втянули её в полную дезориентацию, всё внимание сосредоточилось на удерживающей её руке и незнакомце, что вовремя оказался рядом.

Она не могла его видеть, лишь чувствовала. Каким-то совершенно непонятным шестым чувством. Интуиция, все рефлексы обострились до невозможности. Она сделала шаг в сторону, туда, куда её увлекал мужчина. В голове зрел протест: она не должна позволять себя уводить, и одновременно здравый смысл шептал, что если сейчас начнется паника, и сработает система оповещения, то люди понесутся к лестнице, сметая всё на своем пути. Не было ни дыма, ни огня. То есть, скорее всего, что-то случилось с электричеством, и скоро всё наладится. Сработает тот же генератор. Да и свет от телефона позволял рассмотреть происходящее.

Внизу улюлюканье и возмущение перерастало в восторженные крики. Молодежь, чья кровь подогревалась азартом, алкоголем, легкими наркотиками, ожиданием веселья, восприняла происходящее, как интригу, как ещё один повод испытать что-то новое.

Мила обернулась, желая рассмотреть незнакомца, но её попытка потерпела фиаско. Мужчина стоял за спиной, в зоне темноты. Она смогла рассмотреть лишь высокий рост и широкие плечи. Но было ещё что-то странное, совершенно не поддающееся логическому объяснению.

Защищенность.

Как только незнакомец возник на её пути, она словно попала в некий кокон тяжелого парфюма, смешанного с запахом дорогих сигар и алкоголя. И энергетика, на которую нельзя не обратить внимание. Бывает же такое… Ты человека не видишь, не знаешь, но ощущаешь его каждой клеточкой тела. Вся сенсорика обостряется, становится неимоверно чувствительной, реагирует на малейшее изменение. По крайней мере, Мила о таком читала. Её круг знакомств был очень ограничен, отец тщательно выбирал тех, с кем ей можно общаться, контролировал соцсети и звонки. Ей тяжело было сравнивать и делать выводы.

Поэтому она просто чувствовала. Затаившись, внимала тому, что с ней происходить.

На доли секунды даже окружающее стерлось, исчезли звуки, запахи.

Она словно оказалась за водопадом, за завесой бушующей воды, непреодолимой силы, стихии, что сбивала с ног, поглощала и утягивала вниз, туда, где камни, где смертельная опасность. А ей удалось избежать, нырнуть «за».

Голова слегка закружилась, Мила даже пошатнулась. Авантюристка из неё выходила не ахти какая. Чуть-чуть сдвинулся сценарий развития событий, и ручки-ножки задрожали. А что от неё хотят? Она не просто домашняя девочка. У неё всё намного хуже.

Мужчина не спешил отпускать её руку, и там, где его пальцы соприкасались с её обнаженной кожей, разливалось сумасшедшее будоражащее тепло.

Кому сказать – не поверят. Ей почти двадцать лет. А она не то, что девственница, она не целована практически! «Тыканье» Марка в её губы поцелуями назвать нельзя. Даже сам Марк ржет над их потугами играть в жениха и невесту. Она даже на его слова обидеться не могла: «Детка, солнышко, вот что хочешь со мной делай, но ты, кажется, единственная сумасшедше красивая девочка в моем окружении, на которую у меня совершенно не стоит! Ну не могу я… Ты же мне, как сестренка. Какая, нахер, невеста, а?» Потому что понимала.

А тут…

Нервные окончания защекотало. И не только на руке. Но ТАМ – особенно. И Мила невольно прислушалась к себе. Каково это – когда к тебе смело и откровенно, даже собственнически властно прикасается мужчина?

Незнакомец.

Оказалось – будоражаще.

– Спасибо, я…

Она не успела договорить, потому что включили прожектора по всему залу, и от резкой вспышки света Мила растерялась и зажмурилась. Давление на руке мгновенно исчезло. Девушка обернулась, чтобы поблагодарить нечаянного заступника, но опоздала на какие-то секунды. Мужчина, более не заинтересованный в ней и, кстати, в дальнейшем их знакомстве, видимо, решивший, что его миссия закончилась, развернулся и уверенной походкой направился дальше по залу. Мила даже испытала волну разочарования. Она-то себе нафантазировала, что взрослый – а ей почему-то показалось, что незнакомец, одетый в стильную черную рубашку и джинсы с широким ремнем, – интересный мужчина заинтересовался ей. Она даже успела придумать целую историю: он увидел её, немного романтическую в своем нелепом, по сути, платье, такую грустную, что не устоял перед искушением.

Господи, перед каким искушением?

Смешно и только!

Меньше книг надо читать, Милослава, и всё будет отлично.

Её личные охранники уже бежали наверх.

– Милослава Сергеевна! Вы не пострадали? Никто вас не обидел? Не задел?

– Нет.

Олег, её личный телохранитель, который был приставлен к ней восемь лет назад, внимательно осмотрел её с головы до ног.

– Вы бледны. Испугались?

– Конечно.

– Звонил Сергей Викторович. Требует вас привезти домой.

– Поехали.

Олег встал сбоку, пропуская её. Мила сдержанно улыбнулась. В данной ситуации ей ничего не оставалось.

Глава 2

Милослава пересчитала деньги.

Сто тысяч евро и двадцать пять тысяч долларов.

Сумасшедшая сумма за ночь с девушкой.

Учитывая, что это деньги будет платить сама девушка.

Чтобы её лишили невинности.

Целая пачка денег.

Мила никогда не держала такую сумму в руках, и у неё теперь даже покалывали кончики пальцев. Она положила последнюю купюру в общую стопку и выдохнула. Получается три стопки. Две по пятьдесят тысяч и одна – двадцать пять.

Именно столько стоит её свобода.

Конечно, они с Марком оба рискуют, потому что их родственники в любой момент могут изменить условие контракта, и её девственность перестанет быть краеугольным камнем. Кому она вообще сдалась – девственность невесты? Это не просто пережитки прошлого, это… Мила даже не знала, с чем сравнить.

Но почему-то Тойские требовали невесту-девственницу, и не раз Андрей Борисович заявлял, что контракт будет расторгнут, если он хотя бы «краем глаза, краем уха» увидит-услышит что-то компрометирующее невесту. При этом он смотрел выжидающе на отца Милы, словно знал нечто такое, о чем ей, глупой, не положено знать.

Мила ругалась, один раз даже дралась, несколько раз пыталась убежать из дома.

Сколько она пыталась говорить с папой? Убеждала. Плакала, твердя, что так нельзя. Как это они с Андреем Борисовичем решили, что их дети поженятся? Сейчас заключаются договорные браки, но не с колыбели же!

А у них именно так. Сколько Мила себя помнила, ей твердили, что она должна быть очень хорошей девочкой и тогда выйдет замуж за очень хорошего мальчика. Богатого. И этот брак спасет их семью.

Когда Мила была маленькой, она верила. Смотрела на себя в зеркало и думала, что она принцесса, заточенная в башню. Правда, в детской головке не укладывалось, почему башня – это её родной дом. Мало ли… Наверное, бывает и такое. Она не разбиралась. Ей нравилось думать, что она принцесса. Это так волшебно. Сказочно.

Только сказка длилась недолго.

Пока Милу ни познакомили с мальчиком, старше неё всего на пару лет. Он не произвел никакого впечатления. На рыцаря он не тянул определенно. Не сможет залезть по дереву к ней в окно и вызволить из заточения.

– А зачем мне залазить? – мальчишка скрестил руки на груди и вызывающе выставил ногу вперед, всем видом показывая, что не заинтересован в данном предприятии.

Мила обиделась.

– Не выйду я за тебя, понятно?

– Не больно-то и надо.

Надо, как оказалось, и очень сильно… их родителям.

Мила с Марком в конечном итоге подружились.

И оба недоумевали прихоти родителей.

Много обсуждали предполагаемый брак. Особенно бесновался Марк.

– Дурь, Милка, ты это понимаешь?

Она-то понимала.

Ей было тяжелее. Даже встречи с Марком планировались его отцом. И они происходили таким образом, чтобы молодые люди не могли уединиться и совершить то, что не надо.

– Домострой чертов! – бесновался Марк. – Мы поженимся через неделю после твоего двадцатилетия. Шикарно просто! Зае*сь!

– Не ругайся, пожалуйста.

– Мил, а ты что такая спокойная? Замуж за меня хочешь? – молодой человек угрожающе оскалился, но она не испугалась. К тому времени между ними установились крепкие отношения «брат-сестра». Более того, Марк несколько раз заступался за неё, когда в колледже парни начинали глумиться.

Причина глумления тоже, кстати, была простой. Милу приглашали на свидание, она отказывала. В колледже охрана с ней не ходила, парни приставали. Несколько раз даже пытались зажать в туалете. Для них она была запретным плодом. Или зазнайкой. Или сучкой. Эпитетами награждали постоянно.

Самый запоминающийся конфликт случился, когда Егор Статов, одноклассник Марка, ввалился в женский туалет, выгнал девчонок и откровенно двинулся на неё.

– Прощайся с целкой, зазноба. На выпускной пойдешь с порванной дыркой между аппетитных ножек.

Мила до сих пор помнила тот ужас, что накатил на неё. Сдаваться так просто она не собиралась, крепче сжав рюкзак и вспоминая недавно просмотренное видео-инструкцию по самообороне. Бить в слабые места. Пах, ухо. Давить на глазницы. И баллончик газовый у неё тоже имелся. Несмотря на то, что все знали, что её трогать нельзя, что за Тойскими стоят Алашеевы, некоторые нарывались на неприятности.

– Статов, ты с ума сошёл? – она знала, что грубить нельзя. Разозлиться – хуже будет. Пока надо попытаться заговорить. И одноклассницы… Дряни! Особенно Зоя. Выходила с довольной усмешкой, явно в сговоре со Статовым. Сердце Милы бешено колотилось в груди.

– Ага. Сошел. Давно. По тебе. Ходишь такая вся… Ты реально думаешь, что Тойский на тебе женится? Или что я трону тебя пальцем, а ваша «крыша» или как там сейчас принято называть бандюганов, прознают, что я засуну тебе под трусики пальцы? И не только пальцы… По самое не балуй засуну. Можешь не сомневаться. Сначала я попользуюсь, потом – другие. Марк-то, я так понимаю, дебил полный, не трогает тебя, да?

Он надвигался на неё. Большой, крупный и злой. Егор занимался спортом, активно качался и весил явно раза в полтора тяжелее, чем Мила.

И она полезла в рюкзак за баллончиком.

Марк влетел в туалет, вышибая дверь.

– Отвалил от неё, сука.

– Охо-хо… А вот и женишок.

Парни сцепились, но их быстро разняли. Драка в женском туалете никого не устраивала, и та же Зоя с визгами понеслась к директору.

Марка на следующий день отправили в Прагу. Отец выговорил Миле, что Андрей Борисович очень, вот очень недоволен и уже делает намёки, что прекращает спонсировать их предприятия, которые последние двадцать лет едва держатся на плаву. У них состоялся серьезный разговор, Тойский в итоге сменил гнев на милость, но ясно дал понять, что это последний промах Милы.

В тот вечер отец первый раз ударил её по щеке, запер в комнате и отобрал ноутбук с планшетом.

Длину её юбки увеличили на десять сантиметров. Отчет о том, как она выглядит, Мила должна была присылать отцу в течение дня по первому требованию.

Милу лихорадило.

Но еще большее удивление, даже шок она испытала, когда узнала, что на Статова напали. Он ехал с водителем из спортзала. Два черных внедорожника перегородили им путь. Парня не били. Сломали два пальца… Молча. Ничего не говоря и не делая никаких разъяснений.

Мила вынырнула из воспоминаний и снова посмотрела на деньги.

Отец её убьет.

Нет, не убьет, но изобьет точно. Марк, конечно, говорит, что не позволит, что приложит все усилия, чтобы забрать её хотя бы на время под своё крыло, даже квартиру подыскал, но Миле слабо верилось.

И всё же она готова рискнуть.

Потому что жить так дальше невыносимо.

Чем ближе дата предполагаемой свадьбы, тем хуже. Отец становится неуправляемым, уже открыто не стесняется, говорит, что сразу же после первой брачной ночи на его счет поступит крупная сумма и, он, наконец, заживет нормальной жизнью.

– Пап… Ты меня продаешь, понимаешь? – слез больше не было. Лишь глухое, тягучие отчаяние, что её никто не любит.

Росла под тотальным присмотром, контролем, над которым все смеялись и глумились. Вместо того, чтобы заводить дружеские отношения, от неё шарахались. Особенно после истории со Статовым.

Она спрашивала у Марка: он ли это.

Парень покачал головой.

– Нет, детка. Не я. А жаль.

– Тогда… кто?

Марк усмехнулся.

– При всей твоей замкнутости, ты не дура, солнышко.

– Он… далеко…

– И что? Не сам же наверняка… Хотя… Говорят, дурной порой бывает. Ещё бы. С таким-то детством.

– Слушай… – Мила нервно сглотнула. – А правду говорят, что он впервые убил человека в пятилетнем возрасте?

Девушка готова была поклясться, что в глазах Марка мелькнуло восхищение.

– А хрен знает. Дело на пятилетнего никто не заводил, естественно.

– Но в их доме была перестрелка.

– Была. Солнце, не загоняйся. Глеб Алашеев мой дядя. Не твой. У него свои терки с моим отцом. Ты его ведь ни разу не видела?

– Нет. Только фото. И то пару раз… Давно.

– Ну вот. Увидишь один раз на свадьбе. И всё.

– На какой свадьбе, Марк…

– Тьфу ты! Оговорился! Ну, ты меня поняла, детка.

Она-то понимала и… одновременно ничего не понимала.

Ей было приятно, что за неё заступились. И она с ужасом думала о том, что в наше время кто-то может спокойно переломать пальцы другому человеку.

Время шло, день икс приближался.

И как раз сейчас ждали приезда этого самого Глеба Алашеева, чтобы мужчины – заметьте, даже без жениха и невесты, – смогли обсудить детали.

У Милославы все приличные слова и доводы давно закончились. А так же попытки понять, что происходит вокруг, и каким образом она оказалась в центре опасного водоворота.

Как-то один раз, уже ложась спать и закончив читать очередной любовный роман, где девушка продавала девственность на аукционе, чтобы оплатить лечение, в её голове что-то взорвалось. Мила резко села на кровати, даже вспотела слегка.

А что если…

Не будет девственности, брачный договор расторгнут.

Идея показалась настолько бредовой, что Мила рухнула на кровать и закрыла лицо руками.

Секунда… вторая…

Мила снова села и сжала руки в кулаки.

Тойский-старший много раз говорил: не будет девственности – не будет брака. Это единственный шанс прекратить затянувшийся фарс.

Если её отцу настолько нужны деньги, что он готов пожертвовать дочерью, почему дочь должна сетовать за отца? Злость и обида за себя, за испорченное детство и юность зажглись в груди. За то, что её все воспринимали, как товар.

Абсолютно все.

Знакомые. Родственники. Дальние друзья.

Близких друзей не было, все отношения прерывались на корню. О чем говорить, если они даже с Марком встречались под бдительным оком охраны! Гувернантки и компаньонки сменились серьезными мальчиками в темных костюмах.

У неё не было никого, кто бы относился к ней с вниманием и заботой.

Деньги, за которые цеплялся отец, ей тоже не были нужны. Образование она получает, себя прокормит.

А папа… Пусть тоже себя кормит. Сам.

Милослава не спала всю ночь, ворочалась с боку на бок и, как только появилась возможность связаться с Марком, связалась.

Они встретились – опять же с охраной – и она изложила ему свой план.

Если сказать, что Марк выглядел ошарашенным, ничего не сказать.

– Нам нужен мужчина. Нет, парень, – вдохновенно продолжала тараторить Мила, попивая молочный коктейль. – Двадцати двух – двадцати пяти лет. Чтобы лихой и с финансовыми проблемами. Перекати поле. Чтобы спокойно сорвался с места и укатил в далекие края. Подальше от гнева нашей родни. Только надо предупредить, что его будут бить. Надеюсь, не сильно. Марк… Ты чего смеешься? Марк!

– Ты потрясающая, Милка. В тебе столько всего скрыто! Девочка вроде, а когда надо, ты – бомба.

– Смешная, видимо, бомба…

– Нееее. Не обижайся. Реально твоя мысль отличная. И такого… искателя быстрого заработка я найду. Поверь, всё зависит от суммы. Я знаю бойцов.

– Каких бойцов? – Мила поперхнулась коктейлем.

– Эй… А ну, тихо, без суеты. Я имел в виду ребят, что профессионально занимаются спортом и выходят на ринг. Многие же, допустим, занимаются с детства, тело натренированное, а какая-нибудь травма – и всё, тебя списали, не выпускают на профессиональный уровень. Поэтому я и говорю, что дело в сумме, за которую некто согласится быть избитым.

Мила, ошарашенная тем, что Марк её поддержал, откинулась на спинку стула. Они сидели в небольшой фаст-фудовой кафешке.

– То есть… ты согласен? И такие… найдутся?

– Мила, – лицо Марка стало серьезным, что само по себе считалось исключением. – Но ты же понимаешь, что все шишки полетят на тебя?

– Да. Я готова, – решительно подтвердила она.

– Тогда сумма…

– С этим у меня проблема. У меня есть немного.

– Я дам сто.

– Марк, – от смущения она заерзала. – Вряд ли кто-то согласится за сто тысяч рублей…

– Наивное ты моё солнце! Еврики, никак не деревянные.

У неё даже дыхание перехватило.

– Сто тысяч евро?

– Да.

– Ого…

– Ему же потом скрываться надо будет. И жить на что-то.

Мила подумала и быстро, чтобы не свернуть с выбранного пути, добавила:

– У меня есть двадцать пять. Только долларов. От мамы ещё лежат. Папа про них не знает.

– Ого. Милослава, да ты меня сегодня прямо на лопатки уложила…

Она эти деньги нашла совершенно случайно. В старой деревянной коробке, где хранились блокноты с рисунками мамы. У коробки оказалось двойное дно. А когда Мила увидела деньги, то и вовсе расплакалась. Значит, у её мамы тоже были секреты от отца. Не будет счастливая женщина тайком копить деньги.

Поэтому Милослава принимает совершенно верное решение. Даже если отец не простит её никогда, она это переживет.

В конце концов, тоже уедет куда-нибудь. Поступит в другую художественную школу, на худой конец пойдет натурщицей. Первое время протянет. А если Марк выполнит обещание и поможет ей материально, то всё сложится наилучшим образом. Пока у неё не было причин сомневаться в Марке. Это на первый взгляд он шалопай и балагур, но она-то знала и видела его другим. И тоже желала ему счастья. Своего. Личного. Без навязывания её и глупого брачного контракта.

Марк справился с задачей и нашел парня. Кстати, как он и говорил, бывшего бойца.

– Артур. Вот «Инста», глянь.

– Ого. Крепкий.

– А ты как думала.

– Он… согласен?

– Да. Сумма устраивает. К тому же, Мила, блин, как-никак он проведет ночь с красивой девочкой! А ты же у нас красивая. Даже очень. Я иногда жалею, что ты мне как сестренка.

– Марк, я тебя умоляю, ничего не говори.

Она листала страницу некого Артура в айфоне Марка. Высокий. С широкими плечами. Кавказец. Наверное, дагестанец. Ой, ей какая разница. Лишь бы всё получилось.

Должно получиться.

Сегодня.

Адрес у неё есть.

– Сможешь сбежать из дома?

– Смогу. Машину пришлешь?

– Да. На всякий случай… Встреча у вас будет в нашей квартире.

– Не поняла.

– В квартире моего отца. Так понятнее?

– Да.

– Детка… – Марк посмотрел на неё в камеру ноутбука с другой стороны экрана. – И… спасибо тебе.

Мила кивнула и отключила связь.

Глава 3

Встреча была назначена на два часа.

Отец ложился спать в районе одиннадцати, а если выпивал, то мог и в двенадцать.

Выпивать он стал всё чаще, поэтому Мила и тут подстраховалась.

Заранее приготовила одежду, в которой поедет: простые джинсы, блуза, сверху легкая кожаная куртка. На ноги – удобные мокасины. Мало ли… Вдруг бежать придется.

Чего она только не передумала за эти дни.

Но решимости не убавилось.

Девять часов… отец пришёл с какой-то встречи… Злой. Она слышала, как он матерится внизу и открывает бар.

Десять… поднялся к ней.

– Спишь?

– Да, пап.

– Спокойной ночи.

– Спокойной.

Одиннадцать – звон разбивающегося стакана о стену.

Двенадцать – храп.

Можно идти.

Раньше они жили в большом доме за городом, сейчас переехали в таунхаус на две семьи. Отец говорил, что временно, и, как только она выйдет замуж за Тойского, они смогу вернуться в тот дом. А Мила и не хочет.

У Олега сегодня был единственный выходной, они с Марком и это учли.

Она выждала ещё час, потом вскочила с постели, быстро переоделась, кинула в рюкзак влажные салфетки, о которых не подумала раньше, проверила на месте ли деньги, перекрестилась и направилась к двери. Взялась за ручку, и так и не открыла. Лучше в окно.

Когда-то она неплохо развлекалась подобным образом.

Давно это было…

Но как оказалось, навыки не потеряны, и минут через пять Мила с бешено колотящимся сердцем спрыгнула на землю и тотчас огляделась – никто ли её не видел. Вроде бы никого.

Зато она увидела черную машину с номерами, что скидывал Марк. Отлично. Мила выпрямила спину и направилась к ней. Спокойно, всё будет хорошо.

Трёпка ей в любом случае гарантирована.

Она подошла к машине, и водитель поспешил открыть дверь пассажирского сиденья.

– Вы от Марка?

– Да.

– Садитесь.

Водителем тоже оказался молодой парень. Мила нырнула в салон автомобиля и сдержанно улыбнулась.

– Поехали?

– Да.

Надеюсь, её не ограбят. Она слышала, что необходимо как можно нейтральнее вести себя, чтобы никто из окружающих не знал, что у тебя крупная сумма денег. Пусть деньги-то в большинстве и не её, но всё же за подобную сумму могут потрепать хорошо, избить или даже убить.

Мила тормознула себя. Ей сейчас необходимо думать только о хорошем, никакого негатива.

Доехали они быстро. Парень, видимо, был проинструктирован Марком, потому что не лез к ней с лишними разговорами, просто вел машину, наслаждаясь громкой музыкой.

Отчаянные времена требуют отчаянных мер – это про неё.

Свободная квартира родителей Марка находилась на территории элитного комплекса. Охрана должна быть предупреждена. Мила старалась держаться максимально уверенно и непринужденно, но ей казалось, что все вокруг знают, что она идет спать с мужчиной.

И несет ему деньги!

Наверное, лет через девять-десять, когда страсти перестанут бушевать, и её жизнь придет в обычное как у всех русло, она будет вспоминать эту ночь, словно некое приключение. Милослава даже мысленно составила список любимых книг, где героини затевали нечто подобное. Побег, ночь с незнакомцем, противостояние родным ради собственной свободы. Если героини книг проходили и добивались своего, чем она хуже? Подобные мысли неизменно вызывали смех даже у Милы. Нашла с чем сравнивать! И это в двадцать первом веке, где романтизм и всё то, что с ней происходит – как ее воспитывали, к чему готовили – высмеивается и не воспринимается всерьез.

Вот так тоже бывает…

Милу пропустили в дом. Парень, что привез её, переговорил с охранником, тот сдержанно кивнул. Мила для себя в голове поставила галочку, что надо сказать спасибо Марку, всё-таки он организовал всё максимально для неё удобно.

Дальше был лифт. Большой, комфортный и стеклянный, в котором она поднималась одна.

Седьмой этаж… Десятый… Последний этаж. Здесь располагалась квартира Тойских.

Уже когда лифт остановился, а Мила вышла из него, решила написать сообщение Марку. Что она на месте. Скинула с плеча рюкзак, открыла его, придерживая одним коленом, и приглушенно выругалась. Черт побери, она оставила телефон в спальне.

Ладно, Милослава, не кипешуй… Ничего страшного не случилось. Она уже на месте. А утром… Утром позвонит с телефона Артура, у него же есть номер Марка, хотя она его тоже помнила наизусть.

И тогда уже всё начнется.

По плану Артур должен предать доверие Марка. Как, впрочем, и Милослава. Увидели друг друга в «Оазисе», влюбились с первого взгляда – и вот, как итог. Артур попросился переночевать у друга, тот не возражал. Мила, ослепленная страстью, сорвалась к нему.

Марк должен приехать утром. Где-то между восьмью и девятью часами. В это же время встает и отец Милы.

Получается, телефон ей и не нужен. Только почему на душе стало как-то тревожно? Всё-таки современное общество конкретно подсадили на гаджеты, и, когда остаешься без связи, кажется, что мир рушится, обязательно что-то случится плохое, земной шар остановится, и вообще – выяснится, что Земля плоская.

Мила застегнула рюкзак, повесила его на плечо и заставила себя подойти к одной-единственной двери на всем этаже.

Она знала, что Тойские богаты. Отец говорил, что раньше и у их семьи были деньги. Деньги, деньги, деньги! Все помешались на них! А разменной монетой, мелкой такой, почти никчемной, как и в старые времена, выступают девочки. Как сказала героиня одного фильма: «Девочек обижают везде». Мила разозлилась. И всё же она не понимала, для чего людям столько денег.

Взять тех же Тойских. Пентхаус в элитном жилом комплексе. Сколько он стоит? Бешеная сумма.

Мила покачала головой. Хватит нелепых никому не нужных размышлений. Каждый живет так, как считает нужным.

И она так будет.

Мила подошла к двери и негромко постучала. Тотчас сработала некая система, и дверь с едва различимым щелчком открылась, приглашая войти.

Она и вошла.

Естественно, девушка за эти дни прокручивала в голове, как состоится её встреча с Артуром. Как он будет реагировать на неё. Как она на него. О чем будут разговаривать. И будут ли вообще…

Нет. Не будут.

Эта мысль вспыхнула у неё в голове, когда она увидела Артура.

Мужчина стоял у окна спиной к ней.

Первое впечатление: какой же он крупный! Мила даже немного испугалась. Возможно, это игра приглушенного света и расстояния между ними. Квартира, вернее, большой холл находился в полутьме. Работали три приглушенных светильника, но они давали ничтожно мало света. Точно лишь для того, чтобы не наткнуться на мебель.

Второе – мужчина ждал её. Из одежды на нем лишь полотенце, повязанное вокруг бедер.

И снова в голове Милы возникло некое диссонансное впечатление – не так её должны были встречать. Не стоя спиной, не поворачиваясь, чтобы поприветствовать. У Артура наблюдалось поведение, больше характерное для взрослого и состоявшегося в этой жизни мужчины. Например, такого, кому мог бы принадлежать данный пентхаус. А не парня, которого… купили на ночь.

В груди сперло от страха и волнения.

Мужчина в руках держал стакан.

Пьет?

Зачем?.. О, Господи… Они так не договаривались!

А о чем они, собственно, договаривались?..

– Слева по коридору ванная. Раздевайся. Мойся. Надень халат. Жду в спальне. Спальня рядом с ванной.

– Хо… рошо.

Сказать, что Мила была удивлена, значит, ничего не сказать.

И лишь оказавшись в ванной, она придёт к выводу, что всё правильно.

Если Артур будет с ней нянчиться, она не воспримет его всерьез и смалодушничает.

А тут…

Горячий стойкий характер и никакой возможности сбежать.

Но голос… Ох… Мила провела рукой по лицу, прогоняя наваждение.

Такой подчиняющий, пробирающий до основания.

И немного… возбуждающий? С особой хрипотцой, что мгновенно сделали её нервные окончания более восприимчивыми.

Наверняка в обычной жизни девочки от него приходят в восторг. Спортсмен, боец с красивой фигурой и шикарным голосом. А она почему на него так отреагировала? Из-за настроя? Марк ей даже предлагал особые пилюли для смелости, но она сразу же их отвергла и посмотрела на «жениха» с легким презрением, давая понять, что именно думает о подобных методах общения с девушками.

– Я ими не пользуюсь, ты что…

– Ну-ну.

Теперь точно знала, что они ей без надобности.

Да, она боялась.

Да, сильно переживала.

Да, собиралась раздеться и переспать с мужчиной, лица которого даже ни разу не видела.

Но она сможет. Если и не возбудится, то, по крайней мере, отвращения точно не испытает.

Для неё первое восприятие человека очень важно.

Мила принялась раздеваться.

Нечего время тянуть.

Но ванную она оценила. Очень шикарная, большая. С душевой стеклянной кабиной и отдельной ванной на изогнутых латунных ножках. Отчего-то Мила засмотрелась на ванну, стоящую едва ли не в центре комнаты. Красиво и очень стильно.

Пришлось одернуть себя и напомнить, зачем она здесь. Скинула одежду и к ванне. Подмыться-то всё равно не помешает, несмотря на то, что споласкивалась, прежде чем якобы лечь спать. Она даже с собой зубную щетку с пастой взяла! Ей, как и любой девочке, нравилось заботиться о себе и ухаживать за своим телом. Сегодня – не исключение. Пусть у неё не будет красивого первого раза, но хоть в памяти останутся какие-то приятные моменты, и не будет стыдно за себя.

Волосы вымыты вечером, и Мила их заплетает в косу, чтобы не мешали. Она слышала, что мужчинам нравятся распущенные, но не в её случае. Дальше… Снятое белье она оставляет на комоде, куда до этого сложила все свои вещи. Поддавшись порыву, Мила подошла к вещам, взяла нижнее белье и спрятала его в самый низ. Ей не хотелось, чтобы кто-то его видел.

В халате она утонула. Пришлось завязать пояс потуже, чтобы он не распахнулся во время движения.

Всё.

Она готова.

Точно?

Точно.

Она вышла аккуратно, стараясь не шуметь, прикрыла за собой дверь и старательно попыталась вспомнить, где находится спальня.

Кажется, рядом.

Квартира практически не освещалась. Уличный свет проникал в большие окна, но из-за того, что квартира находилась на высоте, ее освещение было минимальным.

Не только Милославе было дискомфортно, и не хотелось показывать лица.

О моральной стороне происходящего не стоило и думать.

Они взрослые люди, договорились об оказании услуг. Пусть и не заключили письменный договор, но всё же…

Мила прошла в комнату и удивилась, увидев мужчину снова стоящим у окна.

На этот раз без полотенца.

Вот когда она определенно порадовалась, что освещения нет!

Он голый!

У Милы от волнения самопроизвольно сжались пальчики на ногах. Неожиданно как-то…

Фигура Артура впечатляла. Сейчас, когда Мила справилась с первым шоком, в ней проснулись эстет и любовь к красоте. Даже мелькнула в голове шальная мысль, что она хотела бы сделать наброски с этого мужчины. Потому что он великолепно сложен.

Только таким, каким она видит его именно сейчас: напряженным, сосредоточенным, смотрящим вдаль. Приходили и другие ассоциации: холодный, властный.

Легкое волнение усиливалось, сердцебиение ускорилось. Появился ком в груди, Мила подняла руку и сжала полы халата.

Она никак не обозначила своё появление, замерла в дверном проеме. Ей нравилось то, что она видела. Эти покатые широкие плечи, красивую спину, опять же приличный торс, явно не утянутый, как у бодибилдеров или тех, кто помешан на своей внешности и сутками пропадает в спортзале. Длинные ноги и крепкие ягодицы завершали образ.

Миле захотелось увидеть его пресс. Наверняка идеален.

В горле запершило, а кожу закололо, точно девушка прикоснулась к чему-то запретному.

К тому, что не должна была видеть.

Возможно, так и было.

Она и этот молодой мужчина никогда не встретились бы, нигде не пересеклись бы, если бы ни затеянная авантюра и безвыходное положение. И уже тем более не уединились бы в спальне.

– Снимай халат.

Прохладный, лишенный каких-либо эмоций голос нарушил затянувшуюся тишину, и Милослава невольно вздрогнула. Пульс резко ускорился, жар прокатился по телу, устремляясь куда-то вниз живота. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, и сразу же его закрыла.

Слов не было.

Никаких.

Она не могла определиться, нравится ли ей выбранная Артуром линия поведения.

Слишком… властно, что ли. Никакого трепета. Никакого внимания.

И, между тем, было в голосе этого мужчины нечто такое, что поражало, закручивало вихрь эмоций в груди Милы, рождало слабость в ногах.

Мила решила послушаться. Он мужчина. Знает, что делает. К тому же, предупрежден. А если, например, начнет носиться с её девственностью и выплясывать хороводы вокруг самой Милы – ещё не факт, что, разглядев его поближе и поговорив с ним, она не развернется и не уйдет, понимая, что не сможет.

Да, всё правильно. Меньше слов, больше дела.

На негнущихся ногах, она направилась в сторону кровати, на ходу непослушными и вмиг онемевшими пальцами развязывая пояс. И зачем она его только так сильно затянула?

– Я сказал идти к кровати?

Мила остановилась так резко, точно натолкнулась на невидимую стену. Растерянно моргнула, не понимая причину недовольства. А куда ей ещё идти?

– Хотя нет… Давай на кровать.

Девичья сущность Милы, воспитанная на любовных романах, да-да, тех самых, на обложках которых красуются полуобнаженные мужчины, а девушки всегда выглядят изумительно красиво, томно закатывая глаза, воспротивилась такому бесцеремонному обращению. Не перегибал ли молодой человек палку?

– Послушайте… – начала было говорить Милослава, намереваясь обсудить тактику любовника, но её бесцеремонно прервал очередной приказ:

– Ничего не говори. Помолчи, пожалуйста.

Брови Милы поползли кверху, а руки наконец-то справились с неподдающимся поясом.

Её будущий партнер продолжал удивлять. Она уже не знала, как реагировать на его действия. Точнее, слова. Слишком выбивались они из её представлений о сегодняшней ночи.

«Хорошо… Хорошо… – уговаривала она себя. – Мужчина знает, что делает. Наверное, так надо. Так правильнее. Никакой щепетильности. Возможно, это даже некая игра во властного партнера».

Милослава развела полы халата и порадовалась, что в комнате нет света. Она бы непременно сгорела от стыда, возможно, даже застопорилась бы и не смогла раздеться.

Халат упал к её ногам.

– Ложись на кровать. На спину. Согни ноги в коленях и разведи их в стороны.

У Милославы слегка закружилась голова, и девушка поспешила добраться до кровати. Получалось как-то неуклюже, и она снова порадовалась, что в спальне темно. Мила не претендовала на роль великой соблазнительницы, но и насмешливого взгляда мужчины не выдержала бы. Стушевалась бы и решимость довести дело до логического завершения скатилась бы в никуда.

Покрывала на кровати оказались шелковыми, очень мягкими.

Когда-то и у них такие были…

Мила так же поспешно легла на спину, получилось, что у самого края. Нет, надо подвинуться. Она заерзала, передвигаясь, и не заметила, как от волнения задевает покрывало ноготками.

– Не суетись. Всё хорошо.

Этот голос… Он пробирал до основания, забирался под кожу. Мила готова была поклясться, что Артур на неё даже ни разу не посмотрел с того момента, как она вошла в комнату, но он совершено точно знал, что Мила делает. У этого мужчины глаза на спине или такой хороший слух? Можно, конечно, предположить, что он привык, когда его безоговорочно слушаются, но в этом случае возникал закономерный вопрос: почему он согласился на предложение Марка? В голове Милы возник некий диссонанс.

Господи, да какая разница…

Главное, чтобы всё прошло без пошлости и относительно безболезненно.

Мила постаралась расслабиться. Он сказал: согнуть ноги в коленах и развести…

Хорошо…

Она, затаив дыхание, выполнила его приказ, чувствуя себя ужасно порочной.

Но все её мысли улетучились из головы, когда Мила увидела приближающегося мужчину.

Он шёл, не спеша, плавно передвигаясь. Абсолютно бесшумно. Теперь она окончательно убедилась, что парень серьезно занимался спортом. Только спортсмены могут двигаться с грацией хищника. Как там говорят? Порхай, как бабочка, а жаль, как пчела? А кто это сказал? Кто… Мила лихорадочно вспоминала, абсолютно лишнюю в данной ситуации информацию. Какой-то спортсмен… Точно! Но не какой-то! А сам Мохаммед Али! А откуда она узнала об этом?.. Ой, да какая разница…

Тусклый свет освещал лишь фигуру приближающегося молодого человека. Рельефную, крупную, сильную.

Мила одернула себя. Да почему она зациклилась на его фигуре и голосе?!

Может, потому что не имеет возможности рассмотреть лицо.

А если попросить его включить свет? Стоило подумать, и сразу же в душе родился протест. Она тоже не хотела, чтобы он на неё смотрел! Наверняка её кожа от смущения покрылась красными пятнами.

Артур остановился у кровати, загородив и тот небольшой тусклый свет, что был. Говорить ещё что-либо он не спешил. Смотрел на неё? Мила старалась сохранить остатки спокойствия.

– Я знаю, что ты неопытна. Поэтому… не переживай так сильно. Постарайся расслабиться. Не обижу.

Его голос… Она не могла воспринимать его спокойно.

Странно.

Наверное, во всем виновата ночь, темнота и договор.

А то, что волосики на её теле поднимаются дыбом, стоит только услышать его низкий тембр, так это от волнения.

Произнесенные слова были направлены на то, чтобы она успокоилась. Получалось плохо. Видимо, где-то в прошлом, в другой жизни, она точно была кисейной барышней, которую вот так же собирались выдавать или даже выдали замуж на какого-нибудь сурового и нелюбимого помещика. Возможно, даже бывшего военного, который из-за полученного ранения вынужден был вернуться в родное поместье.

Мила, прекрати! Тут голый мужчина за тобой наблюдает, ты лежишь с разведенными в стороны ногами, собираешься отдать девственность и думаешь про разную ерунду.

Сублимация в чистом виде.

Он медлил. Стоял и смотрел, отчего кожа Милы покрывалась мурашками. Но холодно не было. Было… остро. Внизу живота растекалось непостижимое томление. Всё-таки Артур ей немного понравился. Фигурой – так точно. Марк тоже уделял время спорту, был широк в плечах, высок.

Но – не то.

Мила облизнула пересохшие губы.

А он её целовать будет?

И следом ещё один вопрос: а ей хотелось бы?

– Потрогай себя.

– Что?.. – выдохнула вмиг дезориентированная девушка.

Ей показалось, или мужчина на самом деле издал звук, похожий на недовольный рык.

– Потрогай. Себя.

Теперь он повторил это с давящими нотками, ни на мгновение не сомневаясь, что она последует его распоряжению.

Мила подняла внезапно потяжелевшую руку и дотронулась ей до губ. Оттопырила нижнюю… скользнула ниже – к подбородку и груди. Она не знала, как себя ласкать. Что именно трогать. Поэтому начала с лица. Задержалась немного на шее, чувствуя, как под пальцами бьется пульс.

Ниже…

Ещё ниже…

К груди.

К одной… второй… Выдохнула. И сразу же задержала дыхание.

– Ещё. Смелее.

Мила не сомневалась: у неё в голове ещё очень долго будет звучать этот холодный, но отчего-то будоражащий, пробуждающий в ней странные эмоции голос. А в глазах будет стоять фигура у окна.

На мгновение Мила прикрыла глаза, не замечая, как едва заметно выгибается, а ладони сжимают грудь, чтобы потом сразу же дотронуться до возбужденных сосков. С её губ сорвался легкий стон, который она тотчас постаралась скрыть. Она ласкала себя и до этого, и соски всегда становились очень чувствительными и отзывчивыми. Сейчас же ей внезапно стало стыдно.

– Дальше… Ниже.

Ниже… это куда?

Милослава распахнула глаза и немного испуганно охнула, когда обнаружила, что мужчина поставил колено на матрас, таким образом, приблизив себя к ней.

Мужской парфюм ворвался в сознание Милы, затронув не только осязание. Казалось, обострились все пять чувств. Терпкий, с нотками мускуса, дубового мха, ванили и ещё чего-то. Возможно, бергамота. Он окутывал, проникал в нос, ложился на кожу. Его хотелось попробовать на вкус.

С трудом Мила вспомнила, что ей велено делать. Рука спустилась к подрагивающему животу. Развела пальцы в стороны, кончиками задев аккуратно постриженные волосики на лобке. Сбрила она не все, оставила красивую дорожку. Ей нравилось ухаживать за собой. То немногое, что доступно было в её положении.

Эмоции бились в груди птицей, пойманной в силки. Сердце стучало так громко, что, казалось, его слышала не только она, но и Артур. Мила опасалась смотреть в его сторону. Нет, страха перед мужчиной она не испытывала, чего ей его бояться? А вот какой-то трепет, идущий из глубины души, не давал покоя.

Более того… Он ей даже нравился.

Она не могла объяснить почему. Просто чувствовала.

Дыхание мужчины изменилось. Немного сбилось. Ему нравилось то, что он видит?

Её пальчики дотронулись до пылающих складочек. Мила с удивлением отметила, что они набухли и пропитаны влагой. То есть ей всё-таки нравится происходящее? Ещё одна волна стыда затопила девушку, и она невольно дернулась, убрала руку.

Её руку перехватили и вернули на место.

– Я не разрешал прекращать. Продолжай.

Артур теперь едва ли не нависал над ней. Мила затрепетала, но снова безоговорочно послушалась.

Себя ТАМ она тоже трогала. Изучала. Да Мила ни за что не поверит, что кто-то из девочек, гонимый любопытством, не исследовал своё тело! Мастурбировать у неё, правда, не получалось. Не чувствовала себя. Начинала, трогала и сразу же прекращала. А сейчас ей предлагали продолжить да ещё под мужским взглядом?

У Милы закружилась голова.

– Не… могу…

– Почему? – с явным недовольством встретил её реплику мужчина и неожиданно приглушенно выругался: – Ладно, похеру. Иди сюда. Потом поиграем.

Потом что сделаем?..

Мила не успела никак отреагировать на слова Артура – он оказался между её раздвинутых ног. Его крупная фигура нависла над ней, и сейчас воспринималась огромной.

– А ты… ласкать меня не будешь? – вопрос сорвался с её губ самопроизвольно.

Она немного иначе всё же представляла эту ночь. Артур ни разу не прикоснулся к ней, не поцеловал. Ничего не сделал такого, отчего она могла возбудиться. И за это ей предстоит отдать сто двадцать пять тысяч? Волна протеста захлестнула девушку. Она уже собиралась высказаться, ее опередили.

В ночной тишине послышалась довольно ядовитая усмешка.

– А ты хочешь, чтобы я тебя поласкал?

Сердцебиение не просто возросло, оно зашкалило.

– Да. Хочу, – смело выдохнула она, поражаясь себе.

– Интересно…

Что тут интересного, она не понимала. И уже хотела напомнить о договоре, когда мужчина, особо не церемонясь, резковато перевернул её на живот, распластывая на кровати. Мила успела возмущенно пискнуть, протест застрял в горле, материализуясь в стон – мужская рука властно накрыла её ягодицы и с силой сжала.

Как оказалось, это начало, потому что за рукой пришли губы. Кожу Милы обожгли требовательные, совсем не ласковые прикосновения. Даже с покусыванием. Зубы впились в её нежную плоть. И вместо того, чтобы закричать, запротестовать, по телу Милы с бешеной скоростью понеслись электрические разряды, едва ли не подкидывающие её.

Если бы Мила и хотела сопротивляться, вынырнуть из-под мужчины, убежать от его хватких рук – ничего не получилось бы. Её держали крепко. Основательно. Она притихла, не замечая, как скребет ногтями по простыням.

И куда-то плывет…

Сумасшествие.

Честное слово.

Одна мужская рука распласталась у неё на пояснице, ощутимо надавливая, заставляя прогнуться. Мила сопротивляться не стала, легла грудью на матрас, вытянув руки вперед, найдя подушки и скомкав наволочки.

Кожа горела. Особенно в тех местах, где к ней прикасался Артур. Мила плавилась. Она и не подозревала, что сексуальные игры могут приносить столько острых и захватывающих ощущений. Наверное, это как на американских горках – вверх-вниз. Так и с ней. Стоило только отбросить прочь все мысли, перестать думать, что да как, и отдаться на волю опытного любов-

ника, как с её телом произошли ощутимые изменения. От очередного поцелуя-покусывания дрожь внутри тела усилилась, жар устремился вниз живота, между бедер ощутимо намокло.

Мила… потекла?

Она зажмурилась, не веря в происходящее. Что творится…Что происходит…

Мужской палец дотронулся до её лона. Заскользил… Подтверждая её предположение, что она увлажнилась. Стон Милы растворился в простыне, в которую она вжалась лицом.

– Влажная… Это хорошо. Маленькая, чувственная девочка…

Голос Артура обжигал, рассылая по коже множество мелких искр. А палец на её лоне продолжал двигаться, едва ощутимо ныряя внутрь. Совсем чуть-чуть.

– И узкая.

Дыхание мужчины сбилось, давление руки на пояснице усилилось. Мила выгнулась кошкой, и сразу же рука вдавила на позвоночник выше. Так и двигалась, пока ни добралась до её шеи и слегка ни сжала.

– Не двигайся. Замерла.

Её вжали в подушку, Мила и пискнуть не могла. Сзади неё послышался звук выдвигающегося ящика, шелест рвущейся фольги, некоторая возня.

А потом мужские бедра прикоснулись к её, потянув на себя.

Вот он… тот самый момент. Мила немного запаниковала, потом мысленно шикнула на себя. Все через это проходили. Пусть не так, как она. И всё же она подготовленная, она…

Крик вырвался из горла, когда её лоно безжалостно растянули, ворвавшись сразу на всю длину. Низ живота опалило огненной, опоясывающей болью, на нет сводящей всё возбуждение. Мила снова дернулась, пытаясь выскользнуть – тщетно.

– Мляяять! Ты… – рык за спиной не подбавил энтузиазма. Мила закусила губу, пытаясь повернуть голову. Ей дали её сдвинуть, но давление с шеи не ушло. – Так… Тихо. Тихо, я сказал. Не дергайся. Расслабь мышцы. Расслабь!

Хотелось плакать. Если бы Мила не была настолько ошарашена наполненностью внутри себя и тем, отчего распирало её нежные стенки, она обратила бы внимание на меняющуюся интонацию мужчины. Заметила нечто значимое…

Но Мила никак не могла собраться. Прийти в себя. Ей хотелось кричать и вырываться.

А ещё, чтобы из неё вышли.

– Пусти, – выдавила она из себя, подавшись вперед, но её тотчас перехватили за живот и снова потянули назад.

– Нет! Иначе долго ещё будешь бояться… Расслабься!

– Нет! Я… не хочу и…

Он подался назад, и Мила мысленно поблагодарила Бога, что Артур услышал её и решил, наконец, ослабить хватку, дать ей вздохнуть спокойно, да и просто оставил в покое. И снова вскрикнула, когда в её бедра ударились мужские.

Нет… Нет… Нет…

Рука, что распласталась на животе, скользнула вниз, дотронулась до того места, где соединялись их тела. Пальцы надавили на какую-то точку. Кажется, клитор. Не помогало… Мила прикусила губу до крови, царапая покрывало. Больно… очень больно.

– Мляя, какая же ты тугая! И… черт!

Мила поняла, что он не остановится. Послышалось ещё одно ругательство, а потом мужчина задвигался быстрее, яростнее, жестче. Хотелось кричать и так же ругаться, но Мила собрала волю в кулак и постаралась абстрагироваться.

Вернуть возбуждение не получалось, расслабиться – тоже.

Внизу всё жгло, саднило, но хотя бы боль из живота ушла. По бедрам что-то текло… Её кровь. Артур-то надел презерватив.

Движение… толчок… движение… толчок…

Когда Миле уже начало казаться, что всё, она больше не выдержит, мужчина громко застонал и затих, особенно глубоко проникнув в неё. Мила тоже вскрикнула не то от облегчения, не то от давящего ощущения.

И не могла сдержать вздоха облегчения, когда он вышел.

За спиной снова послышалось ругательство.

– Кто ты, черт побери, такая?

Глава 4

А вот этот вопрос…

Ледяной ужас сковал душу.

Мила, не обращая внимания на боль между ног, перевернулась на спину.

Вовремя.

Система умного дома отозвалась мгновенно, и свет вспыхнул.

Девушка поморщилась. Для Милы он показался слишком ярким, хотя на самом деле был приглушен.

Но достаточен, чтобы всё рассмотреть.

Вернее, всех.

А ещё точнее – друг друга.

Мила, судорожно вспомнила, что на кровати где-то было покрывало. Точно. Вот оно. Она схватила его и натянула повыше.

– Ты не… Артур.

Ничего нелепее она на данный момент сказать не могла.

Мужчина обнаженный, не стесняющейся своей наготы, хищно усмехнулся.

– Нет. Я точно не Артур.

Он посмотрел ей прямо в лицо.

– И ты не работаешь в агентстве.

А это уже обвинение.

Хуже было другое.

Его взгляд.

И её осознание.

Господи, пусть он её не узнает…

Пожалуйста…

Пожалуйста…

Она-то его узнала.

Не могла не узнать.

По тому, как мужчина вслед за усмешкой прищурил глаза. И её надежды рушились, как карточный домик.

– Определенно не работаешь, Милослава.

Мужчина выпрямился в полный рост и прошёл к бару. Мила зажмурилась, чтобы не видеть его накаченных, крепких ягодиц.

– Думаю, и ты меня узнала. Не правда ли?

– Да…

Выдавила глухо, голос подвел её.

Лучше бы не узнавала.

– Тогда у меня вопрос: что ты делаешь в моей постели, Мила? И кто, твою мать, этот Артур?

Зря она тогда не обратила внимания на интонацию, с которой был задан вопрос.

Ох, зря…

Она уже тогда многое узнала бы про Глеба Алашеева.

Пока же Мила косо смотрела на него и не могла поверить в происходящее. Так же смутно отметила, что он уже успел снять презерватив. А куда его дел?

Господи, какие глупые и нелепые вопросы…

И вся ситуация.

Удушливо страшная.

Абсолютно не укладывающаяся в голове.

– Я, кажется, спросил про Артура.

Оооо, теперь этот голос не казался ей просто холодным или властным.

Он резал без ножа.

Справедливости ради – было за что…

Мила с запозданием осознавала весь масштаб свалившейся на неё катастрофы.

Это даже не катастрофа…

Это конец.

Её личный.

Она переспала с тем, чье имя в её семье и даже в семье Тойских произносили с шепотом. Марк, правда, с восхищением.

Марк! Черт…

Как же так…

Почему…

Мила ничего не понимала.

Она, продолжая находиться в ступоре, не в силах прийти в себя, поднесла руку к горлу, сжала его, попутно пытаясь прокашляться. Даже боль между бедер отступила на второй план.

То, что происходило здесь и сейчас – это её апокалипсис.

Смотреть на Алашеева она не могла.

Насмотрелась, кажется…

– Вижу, от тебя ничего связного я не получу. Ок. Давай так, Милослава. Сейчас ты встанешь и снова сходишь в душ. Помоешься. Приведешь себя в порядок. Подумаешь.

Каждое его слово кирпичами опускались на её плечи.

Что там говорили про Глеба?

Ох, лучше не вспоминать… Иначе она не то, что говорить, двигаться не сможет.

А надо.

До ванной – так точно.

На мужчину она не смотрела. Но судя по звукам, одеваться он не спешил.

– А потом выходишь ко мне. И мы разговариваем. Предупреждаю один раз, Милослава: станешь дурковать – будут последствия.

Если он рассчитывал подобными словами успокоить её, то добился противоположного эффекта.

Тут впору было засмеяться над своей наивностью. Никто её, глупую, успокаивать не будет. Напротив, ей предстоит разбор полетов.

И полет безоблачный определенно не будет.

– Сумку свою мне сюда. Хотя я сам заберу. Ни звонков, ни связи. Сначала разговор со мной. К двери рыпаться тоже не советую. Мила… Я вообще тебе не советую меня злить. Потому что… Сама понимаешь, в какой ситуации ты оказалась. Теперь всё – марш в ванну! Жду в гостиной.

Мила по окончанию его речи вздрогнула, глотая слезы.

Мамочки… Ни мыслей, ни каких-либо оправдательных слов. Лишь удушливый страх, что пронзал насквозь.

Надо встать с кровати. И дойти до ванной. Там она сможет укрыться от мужчины хотя бы ненадолго.

– Десять минут тебе даю. Не выходишь – иду за тобой.

Жестко говорил. Бескомпромиссно.

Он ещё и мысли её считывает… Прекрасно, лучше придумать нельзя.

Вцепившись в покрывало мертвой хваткой, Мила кое-как, морщась от саднящей боли, спустила ноги на пол.

Теперь надо сделать шаг и не упасть, не свалиться кулем.

Сделала и не упала.

ГЛЕБ

– Ты, щенок! – он рычал, сдерживаясь из последних сил. – Быстро ко мне. Адрес, думаю, говорить не надо.

– Еду, Глеб. Минут сорок и…

– Тридцать! – рявкнул и швырнул телефон.

Глеба потряхивало.

Докатился…

Всё ещё не утруждая себя одеждой, прошел к бару, взял вискарь, стакан, плеснул на дно и выпил, не поморщившись.

Он шкуру сдерет с этого щенка! Ушлепок малолетний!

Хорошо разыграл партию! Браво!

А он повелся!

Видимо, совсем мозги поплыли.

Глеб посмотрел в сторону ванной. За дверью, за которой, осторожно ступая босыми ножками, скрылась Милослава.

От неё поплыл ведь…

Когда?

Да какая, мать вашу, разница!

Главное – она в его квартире. В ванной. Моется после того, как он её поимел.

Бери больше, Глеб!

Лишил девственности.

Млять!

Ещё налил.

Выпил.

Всё, хватит. Иначе будет перебор, и сорвется не только на Марке, но и на Веснушке.

И одеться что ли надо.

Зловещая ухмылка снова исказило лицо Глеба. Он посмотрел на не совсем опавший член. Да, ему мало!

Чертовски мало!

Если бы он знал, кто у него находится в постели, поигрался бы немного дольше. О чем он вообще?! Если бы он знал, кого трахнет через пятнадцать-двадцать минут после того, как девушка вошла в квартиру, всё было бы иначе.

Взял бы?..

Однозначно.

Вот, сученыш Тойских!

Подстроил.

– Глеб, ты сегодня вечером как? Снова скучать? В клуб или дома?

Глеб посмотрел на племенника тяжелым взглядом.

– Есть предложение?

– Да. У меня есть хорошая девочка. Не потрепанная. Могу прислать. В агентство только вчера устроилась. Но зря она это, конечно. Ей бы кого на постоянную основу.

Он что-то ещё говорил, а у Глеба перед глазами другая девочка стояла. Чей аромат до сих пор чувствовался в носу.

Марк как-то неудобно повернулся, сдвинул корпус, подался вперед, и нотки женского парфюма ворвались в сознание Алашеева.

Взрыв.

Глеб плохо разбирался в женском парфюме, для него была лишь одна характеристика: нравится или нет. Этот запах ему не то, что нравился. Он оказался его слабостью. Тонкой нитью, связывающий его и ту, о которой уже думал черте сколько времени и ради обладания которой собирается пойти против своих же принципов и установленных им правил. Глеб мгновенно напрягся, а внутри груди развернулась настоящая бездна, и возникло яростное желание двинуть Марку в челюсть. За что? Да просто так. Потому что на нем был ЕЁ запах!

И никакие доводы разума не помогали. Чувствуя, что звереет, нет, сатанеет, что его выворачивает наизнанку от потребности убрать этот запах с себя, стереть, уничтожить до поры до времени, он попытался вернуться к разговору.

– Девочку жалко. Неопытная совсем. Парень бросил, вот и дуркует малость. Нахер в агентство устроилась?

– Присылай.

Неопытная – фактор, сыгравший главную роль.

Алашеева не то, что тянуло на девственниц.

Его тянуло на одну конкретную. Но так как пока она была недоступна, он возьмет другую.

Слабая замена, которой он воспользуется крайний раз.

Скоро всё сдвинется с мертвой точки, и кардинально изменится расстановка сил.

Глеб и не подозревал, как скоро и на каких условиях…

Стакан затрещал в его руках, и он поспешил его поставить на полку. Не хватало ещё обрезаться и заниматься обрабатыванием ран.

Глеб прошёл к креслу и рывком стянул с них домашние спортивные штаны. Футболка находилась в шкафу. Приходящая домработница заботливо разложила его вещи. Натянув и футболку, мужчина нетерпеливо посмотрел на дверь ванной.

Почему она так долго, черт побери?

Его потряхивало от нетерпения. Он её не порвал, сильного кровотечения не наблюдалось. Милослава не первая девственница на его веку. Бывало и похуже.

Но это же…

Милослава.

Огненная лава пронеслась по позвоночнику, взорвавшись в пояснице и снова опалив пах. Член налился кровью, требуя продолжения. Глеб едва ли не оскалился от предчувствия. Его крупное и натренированное тело напряглось в ожидании. Руки невольно сжимались в кулаки.

Жаль, что не потрогал более подробно её.

А она просила…

Думая, что он некий Артур!

Вот тут он уже оскалился, верхняя губа дернулась, обнажая зубы.

Порвет к херам этого Артура!

Если такой есть…

У Марка будет возможность объясниться.

Как и у Милославы.

Он выслушает. Причем обоих. А потом выскажется сам.

Послышались робкие шаги, дверь открылась, и в комнату снова вошла Мила.

Она успела переодеться в свою одежду. Глеб предпочел бы, чтобы она оставалась в халате. Лучше вообще без него…

Так, Алашеев, тормози.

Хорош, мужик.

Потом объяснишь, в чем предпочитаешь её видеть. Особенно в спальне. В каком белье. И прочее.

Сейчас же следует сохранить спокойствие.

– Выпить не предлагаю, – сухо бросил он, снова оглядывая её с головы до ног.

– Я не пью.

– Знаю.

Он специально выключил свет, ожидая, когда к нему придет девица от Марка. Не желал видеть её лица. Фигуры ему будет достаточно. Если не понравится – прогонит, дав на такси и за хлопоты.

Глеб хотел разрядиться. Выплеснуть из себя всё, что копилось в последние дни. Напряжение внутри тела увеличивалось с геометрической прогрессией, стоило ему выйти из самолета. Воздух родной земли наполнил легкие. Пьянил. Он любил Россию, старался по возможности, как можно чаще здесь бывать. Подумывал даже, а не вернуться ли… Угодья есть, дома есть. Бизнес тоже процветает.

Не хватает только одного.

Её.

Поэтому, чтобы не сорваться и не поехать к Лебедеву в дом прямо с аэропорта, Глеб отправился в клуб. Встретился с другом, по совместительству и хозяином клуба, Владом Багровским. Уже собрался уходить, когда увидел Милу. Его как током шандарахнуло. Первой мыслью было: какого она делает в клубе?! Кровавая пелена застлала глаза. Он для того бабло платил её отцу, чтобы она по клубам шлялась?! Это потом он узнает, что она выбралась на пару часов с подругами и под присмотром охраны. Но её-то он увидел выходящей из ВИП-комнаты!

Глеб до сих пор не знал, что предпринял бы, если бы не вырубили свет. Мужчиной двигал инстинкт защитника. Он рванул к Милославе, хотя до этого планировал никак себя не обозначать. И лично с ней не встречаться. Ни при каких обстоятельствах.

Потому что…

Чревато.

Сорвется к херам собачьим.

Не выдержит.

Уже то, что тогда он придерживал её в клубе и не утащил к себе в кабину, где бы точно посадил на колени и припал к сладким губам, спрятал бы её у себя на груди от всех, было хорошим знаком.

Он её лишь придерживал… аккуратно трогая кожу и млея от того, что Мила рядом.

Его потряхивало. Вело. Тело жаждало разрядки. Он и согласился на предложение Марка. Паршивец решил наладить отношения с дядькой? Без проблем.

Вот тут-то дядю и ждал сюрприз.

Нежный. И невинный.

Но были другие вопросы.

Много других вопросов.

Милослава выглядела неуверенно. В руках у неё был рюкзак, с которым она приехала.

– А это лишнее, – он кивком указал на него. – Можешь положить его.

Девушка мотнула головой.

– Нет, я…

– Положи, – обрубил он её, раздражаясь, что она ему перечит.

Дался ей этот рюкзак! Вцепилась, точно он под завязку набит баблом.

– И садись. Будем разговаривать.

– А может… – она по-прежнему не спешила выполнять его распоряжения. Зато метнула быстрый взгляд на дверь. – Послушайте, произошло недоразумение, и я…

– Конечно, произошло недоразумение. Я только что трахнул – лишил девственности! – невесту своего племянника. А ты явно собиралась оказаться под неким Артуром. Преинтереснейший расклад, Милослава. Не находишь?

Девочка под его яростным напором побледнела и сильнее прижала рюкзак.

– Мне, общаясь с тобой, необходимо будет всё повторять?

Возможно, он был слишком суров, но его контроль трещал по швам, стоило только подумать про этого некого Артура.

Найдет и кости переломает.

Уже за то, что посягнул на Милу…Что смотрел на неё вожделенно.

Что они договорились.

На этот раз Мила послушалась и поспешно прошла к дивану. Села на самый край, рюкзак положила рядом, руки – на колени. Картина маслом: школьница на приеме у директора. Только современные школьницы вели себя куда более дерзко и развратно.

– Можно позвонить Марку? – она на него не смотрела, старательно отводила взгляд, что с одной стороны ему даже нравилось. Порой слишком дерзкий взгляд женщины его выбешивал. – Правда, я телефон дома забыла… Но я помню наизусть. И…

– Нет.

Она всё же вскинула на него свои огромные глазищи.

Красивые какие… Огромные, с расширенными от переживаний зрачками.

– Нет?

– Нет. Звонить не стоит. Твой… – Глеб намеренно сделал паузу, – …жених уже в пути.

– Едет сюда?

Её переспрашивание он так же списал на волнение.

– Да. Скоро будет.

И в подтверждении его слов раздался сигнал, оповещающий, что лифт прибыл. А через пятнадцать секунд и стук в дверь.

Губы Глеба растянулись в предвкушающую улыбку.

Быстро же Марк добрался.

Где-то рядом ошивался, паскудник?

Мила подорвалась, вскочив, но, встретившись с его предупреждающим взглядом, осталась сидеть на месте. Правда, ладони расправила на коленях. Её нервозность усиливалась. И надо сказать, не безосновательно.

Глеб активировал дверь и запустил Марка. Хотя тот мог беспрепятственно войти, код он знал. Но нет… осторожничает.

Тоже всё прекрасно понимая.

Парень был одет в джинсы, белую футболку и клубный пиджак. Помятый, кстати. Глеб не удивился, если бы узнал, что любимый племянничек где-нибудь спал в машине, дожидаясь от него звонка. Рядом.

– Добрый вечер, – вкрадчиво поздоровался Марк, оглядываясь по сторонам и оценивая ситуацию.

Глеб присел на стол, вытянул ноги и скрести руки на груди, всем своим видом показывая, что он жаждет продолжения банкета. А конкретно – прояснение ситуации.

Милослава взглянула на Марка и закрыла лицо руками. Вид её сгорбившейся фигурки снова пробуждал в мужчине инстинкт защитника, но в голове постоянно пульсировало имя Артур. И эта долбаная зацепка била наотмашь, отравляя кровь кислотой.

Баланс создавал другой факт – Милослава стала его. Меньше полчаса назад. И с этим не поспоришь, никуда не денешь.

– И тебе добрый, Марк. Что застыл, как неродной? Проходи.

Марк снова посмотрел на Милославу и уже направился в её сторону, когда Глеб жестко бросил:

– Нет! Садишься в кресло.

– Глеб, слушай…

– Я послушаю. Обязательно. Но тогда, когда ты сядешь, куда я говорю.

Марк понял, что запахло жареным, и старался вести себя крайне осторожно, не раздражать его, не злить сильнее. В отличие от Милославы, Марк знал, на что способен Глеб, а потому лучше на его пути не вставать.

Но щенок встал…

И вот тут начинается самое интересное.

Марк, приглушенно выругавшись и поморщившись, оттопырил край футболки, словно она внезапно начала его душить. После чего всё же прошёл к креслу и бухнулся в него.

– Ну, рассказывайте, – Глеб не мог удержаться от иронии.

– Мила, ты как?

Девушка, не отрывая рук от лица, покачала головой, отрицая происходящее.

– Я всё ещё жду. Кто первый начнет, детки? Ты, Марк? Или ты, Милослава? А, может быть, я? А, Марк?

Племянничек занервничал сильнее. Потому что резко выставил руки кверху и затараторил:

– Мила, пожалуйста, посмотри на меня! Мила! Это мой косяк! Вернее… Мой план! И если ты мне врежешь за него по яйцам, я не буду против.

Слова парня дошли до девушки, и та выпрямилась, отводя руки от лица. Нахмурилась и повернула голову в сторону Марка.

– Ты о чем говоришь?

– Черт! Черт! Черт… Глеб, давай сначала с тобой, а? Выйдем на пять минут. Я быстро тебе объясняю, и ты…

– С тобой мы непременно поговорим. Но потом… жених. Сейчас я хочу понять, почему Милослава Лебедева, твоя невеста, оказалась в постели… некого Артура, который, я так понимаю, должен был ждать Милу здесь? Но вышла нестыковка, и вместо Артура здесь оказался я. Странно дело, ведь так, Марк?

Он сделал акцент на последнем предложении.

Марк отлично понял его: шумно сглотнул, закашлялся, сделал вид, что подавился.

– Я забыла телефон дома… – негромко сообщила Мила уже Марку, явно ещё не соединив воедино пазлы и не замечая очевидного. – Ты, наверное, мне звонил, да? Чтобы предупредить…

Её взгляд, полный надежды, обращенный на щенка…

Её голос, немного испуганный, ошалелый, вскрывающий его вены без ножа…

Глеб не выдержал и рыкнул, стараясь особо не повышать голос, хотя единственным его желанием становилось выбить дурь из племяша.

– Кто-такой-Артур? Спрашиваю в последний раз!

Мила вздрогнула и быстро ответила:

– Молодой человек, с которым договорился Марк…

– Договорился о чем? – Глеб даже подался вперед, не замечая, как учащается сердцебиение.

Детки выросли и решили поиграть в собственные игры? Похоже на то. Только знали ли они о последствиях?

Один точно знал.

Милослава дотронулась кончиками пальцев до рюкзака.

– Здесь деньги…

– Деньги? Оооочень интересно. И большая сумма? – продолжал иронизировать Глеб.

Мила ничего не замечала, зато Марк устало провел рукой по лицу.

Правильно, племяш, пора начинать и тебе нервничать.

Основательно так.

– Сто тысяч евро и двадцать пять тысяч долларов.

– Ого. Довольно-таки серьезная. Дайте-ка подумать… Вы её приготовили, чтобы… Стоп… Серьезно? – брови Алашеева поползли вверх.

Сначала Милослава побледнела, потом покраснела.

– Да. Мне надо было лишиться девственности, потому что Тойский… потому то вы…

Она не договорила, метнув в него гневный взгляд.

А это что-то новенькое.

Глебу нравились её эмоции. Они чистые и красивые, как родниковая вода. И он готов их пить снова и снова.

Но когда они останутся наедине и прояснят до конца ситуацию. Выяснят, кто есть кто.

– Я понял. То есть в ваших светлых головках возник гениальный план. Девственность Милославы – одно из условий брачного договора. Пережиток прошлого, как вы, молодежь, считаете и удивляетесь, почему старики на этом настаивают. А ничего, что Миле и двадцати нет? Или сейчас принято… во сколько там начинать половую жизнь?

– Глеб…

– Марк, заткнись! Нам с тобой ещё предстоит побеседовать тет-а-тет! А пока я продолжу, никто не возражает? – он сначала посмотрел на племенника, тот поморщившись, покачал головой. Потом девушка повторила его жест. – Отлично. Вы собрали денег, чтобы вручить их некому Артуру за то, чтобы он лишил тебя, Милослава Лебедева, девственности. Великолепно. Я бы, наверное, поаплодировал, если бы мне не хотелось вам обоим всыпать по первое число. Вы… – он сжал зубы с такой силой, что послышался скрежет. – Слов нет. Даже матерных. А этому вашему Артуру с хера ли такая сумма должна была обломиться? Ну-ка, Марк, проясни. Я пока не догоняю.

– Чтобы он смотался из города, – хмурясь, процедил Марк. – Отступные. Были бы разборки… Эта ночь должна была всплыть… Мы планировали, что я устрою скандал, начищу морду Артуру, оскорблюсь и… помолвка накроется.

Мила откинулась назад, снова закрыв лицо рукой.

В эти минуты Глебу её жалко не было.

– Чья идея?

Если сейчас Марк скажет, что его…

– Моя, – выдохнула она.

– Значит, так. Мила, сейчас ты идешь на кухню. Думаю, найдешь её, и готовишь нам кофе.

– Я хочу присутствовать…

– Марш. На. Кухню.

Он не повысил голоса, но хватило интонации. Милослава подорвалась, испуганная его моральным давлением. В её глазах заблестели слезы. Правильно, девочка, поплачь лучше сейчас. Твои слезы помогут тормознуть его, не сорваться на откровенный мат и промывку мозгов. Причем, физическую. Милу ему тоже хотелось… проучить.

За идею.

Вот тебе и домашняя девочка, растущая под присмотром.

В тихом омуте кто там водятся?

Оба мужчины молча наблюдали, как она поднимается, растерянно смотрит на Марка и уже после этого, опустив голову, выходит из комнаты. Глеб видел, как она задерживается в коридоре, недоуменно осматриваясь и решая, где именно находится кухня. По итогу направление она выбрала правильное.

Глеб не зря отправил её на кухню – это самая дальняя комната от гостиной. Их разговора она не услышит.

В нем продолжала клокотать злость. Опасная и требующая выхода. Сиюсекундно…

Мужчина обернулся, нашел на столе пачку сигарет, достал одну. Где чертова зажигалка? Срочно требовалась доза никотина, хотя Глеб и подумывал бросать курить. Сколько можно травить организм?

– Чего ждем? – рыкнул он на племянника, который не сводил с него взгляда, точно Глеб был красной девицей на ярмарке. – Особого разрешения? Или… особого волшебного пенделя?

Марк сжал руки в кулаки и, сдерживаясь, не повышая голоса, также заинтересованный в том, чтобы его не услышала Мила, выпалил:

– Я видел, как ты смотришь на неё!

Опаньки…

Глеб сделал первую затяжку.

Глава 5

– Неужели? Интересно, и когда?

– Пару лет назад, когда ты приезжал сюда. Случайно засёк, как ты её фото рассматриваешь… А потом я и с Стасовым беседовал. Этот ублюдок хорошо запомнил того, кто ему пальцы ломал. Вернее, фигуру и голос. Это был ты, Глеб. Лично.

– А должен был ты! – бешено рыкнул Глеб, тоже не повышая голоса.

– Да! Мой косяк… Но я думал, Егор, получив от меня пи*лей в колледже, успокоится. Что на этом всё! А у тебя… – Марк достойно выдержал его взгляд, – Свои методы.

– Свои, – подтвердил Глеб, делая очередную затяжку.

Никотин не приносил облегчения, не унимал бушующую ярость в груди.

– Не спорю, эффектные.

– Вот и возьми на вооружение.

– Возьму.

– Я смотрю, щенок, ты совсем берега попутал…

– Нет, Глеб. Я хочу, чтобы она, – кивок в сторону коридора, – была счастлива. Хочешь откровенного разговора, дядя? Отлично! Я тебе его дам! Я давно понял, что этот долбаный брачный договор, имеет ноги из прошлого. Из вашего прошлого. Твоего и наших отцов! Честно пытался догнать, но хренушки. Впрочем, не удивлен, ты отлично работаешь. Ладно… Но ни я, ни Милка не хотим этого брака. Глеб, мне на ней жениться равносильно тому, чтобы уложить в постель родную сестру! Мила же клевая! И если бы не её Цербер, толпами бы за ней парни бегали.

Марк остановил свою пламенную речь, всматриваясь в его лицо, считывая его реакцию.

– Далеко пойдешь, – холодно заметил Глеб, удерживаясь от желания крушить мебель.

Толпами…

Парни…

Ну-ну…

– Она тоже в отчаянии. Отец ей продыху не дает. Она же не знает, что это ты оплачиваешь охрану и прочее. Кстати, Лебедь продолжает просаживать деньги в казино. При этом ущемляя Милку во всем. Одежду, мля, купит ей, а потом шлюхам своим же и отдает. Чеки тебе шлет. Прошаренный, сука.

Алашеев слегка заметно вздернул бровь. Ох, не зря Тойский-младший выдает ему эту информацию. Теперь он не сомневался: племяш отлично знает, что делает. И что говорит.

Кому – тоже.

– Он Милку в железной клетке держит. Шаг влево, шаг вправо… А всё валит на моего батю и тебя. Охренел совсем… Поэтому, когда Мила подошла ко мне с этой бредовой, по сути, идеей… И ты прилететь должен… – Марк встретился с его взглядом и выдержал его, не отвел. – Глеб, я готов ответить за свои действия. Только… чтобы она не видела и не знала.

– Защищаешь?

У Глеба непроизвольно дернулась верхняя губа.

– Оберегаю.

– Слишком много на себя взял…

– Что сдюжил.

Племяш держал удар достойно. Хоть по первости тушевался, и то, скорее всего, чтобы не посвящать Милославу в детали «подставы». Хотел сохранить с ней приятельские отношения.

Парень не учел одного.

Отношения Глеба к ней.

– Ну, давай, теперь финальные аккорды, племяш.

– В смысле?

– В прямом. План ты мне свой изложил, теперь я хотел бы знать: как, по-твоему, должна была закончиться сегодняшняя ночь?

Вот тут он замялся, снова потянув за ворот футболки.

– Несколько вариантов. Но я надеюсь на один единственный. Что тот взгляд на фото Милы не случаен. И я очень хочу верить, что не облажался.

Племяш не облажался.

Но об этом ему знать пока не надо.

* * *

– А где Марк?

В большом дверном проеме показался один лишь Глеб.

Мышцы живота Милы свело от страха.

В данной ситуации Марк мог выступить в качестве буфера.

– Уехал, – всё в том же прохладном тоне сказал Алашеев и целенаправленно устремил взгляд темных глаз на Милу.

Та поджала губы в нерешительности. И что теперь делать? Вернее, не так. Что теперь будет?

Ранее она видела Глеба Алашеева. Лет пять назад, а то и больше. Она плохо помнила ту встречу. Да и зачем ей это хранить в памяти? Осталось ощущение мороза по коже. Зато сейчас память услужливо подкидывала картинку…

Был август. Отец наорал на неё, сказав, что она нерасторопная маленькая дрянь, которая не в состоянии одеться быстро, когда от неё требуется. Мила расплакалась. Ничто не предвещало поездки, её никто не предупреждал. А тут в комнату залетел запыхавшийся отец, потребовал, чтобы она быстро одевалась, причем не в повседневное шмотье, а в «приличное… это… что я покупал». Мила, хлюпая носом и размазывая злые слезы по щекам, думала: когда именно? Но нашла легкие джинсы и красивую бирюзовую блузу.

Они ехали к Тойским. Всю дорогу отец рассказывал ей, как она должна себя вести, что говорить. Спорить – ни в коем случае.

– Ты правила этикета помнишь?

– Да.

– Смотри у меня.

Отец никогда её не наказывал. Пара оплеух – не в счет, но Мила его боялась до дрожи. Маму она плохо помнила. Та умерла, когда Миле не было и пяти лет. Не справилась с управлением и слетела с трассы. Сколько бы раз Мила не просила отца рассказать про маму, тот отмахивался. Наверное, до сих пор переживал. Странно другое – в доме почти не осталось её фотографий. Точно кто-то убрал. Или просто мама не любила фотографироваться, хотя и была очень красивой молодой женщиной. Мила смирилась с мыслью, что когда-нибудь потом, когда подрастет, она сама обо всем позаботится – узнает. Папа что-то скрывал. Эта мысль не покидала девочку.

В доме Тойских наблюдалась некая суета, на которую Мила не обратила внимания. Всё равно её не просветят. Марк куда-то запропастился, и она оказалась предоставленной самой себе. Мужчины ушли в кабинет.

– Будь хорошей девочкой, Милослава, – сделал наставление Андрей Борисович.

Как только за мужчинами закрылась дверь, Мила поморщилась и показала язык. Можно было бы и средний палец, но вдруг тут камеры установлены… Ей же потом от отца влетит.

У Тойского в отношении неё наблюдалась прямо-таки какая-то мания. Чтобы она непременно была хорошей девочкой. Будучи подростком со всеми вытекающими, Миле хотелось

взбунтоваться и что-нибудь отчебучить такое, чтобы её, наконец, перестали называть «хорошей девочкой». Она не стремилась казаться оторвой, грубиянкой. Ей противен был подобный тип девушек. Взять ту же Зою из колледжа. Она открыто хвасталась, что отлично умеет «заглатывать».

Но иногда в Милу точно черти вселялись. Например, сегодня, когда папа наорал, выдернул её, а Тойский едва ли не по головке потрепал, как котенка.

Тьфу. Мерзко.

Так как она оказалась предоставлена сама себе, и ей не дали никаких особых распоряжений, Мила направилась в заднее крыло большого особняка Тойских. Там находился выход к бассейну. Купаться её никто не пригласил, обычно в таких случаях специально предупреждают, чтобы она взяла с собой купальник. Просто посидит на шезлонге. Может, о ней и не вспомнят. Её идеально устроило бы, если бы про неё забыли.

Мила вышла к бассейну и зажмурилась от яркого солнца.

Но если молодая девушка рассчитывала на тишину и уединение, она ошиблась.

В бассейне кто-то плавал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.